

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

420-летию Тюмени посвящается

К ЭТИМОЛОГИИ, СЕМАНТИКЕ И ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИМЕНИ г. ТЮМЕНИ

И. В. Белич

Рассматриваются палеолингвистические тюркские и финно-угорская гипотезы происхождения раннего названия г. Тюмени — Чимги/Чинги-Тура как не соответствующие фонетическим правилам языка сибирских татар и топонимическим реалиям. Средневековым наименованием Тюмени было Цымгэ-Тура, означающее «Дерновый город» или «Дерновая крепость». Сравнительный анализ этнографических и археологических данных о типах жилищ и генетически связанных с ними надмогильных сооружений позволяет считать вывод о существовании в Цымгэ-Туре дерновых домов и иных сооружений из дерна наиболее вероятным. Актуализируется вопрос о правомерности отсчета истории г. Тюмени с основания острога в 1586 г., тогда как самое раннее упоминание этого дорусского города, зафиксированного в Калонском атласе под именем «Singui», относится к 1375 г.

Вначале отметим тот факт, что первый, как бы «верхний слой», открывающий «перспективу поиска исторических корней города в рамках еще более раннего периода» его истории в Тюменском крае, был снят на примере Ханты-Мансийска авторами недавно изданной книги «Со времен князя Самара»¹⁾. Обзор основных письменных источников, содержащих исторические известия о населенных пунктах, существовавших в районе Ханты-Мансийска в XVI–XVII вв., подтверждает их мысль, что современная столица Югры «восходит своими корнями к остяцкому поселению Тунг-пох-вош (Самар-вош)».

Этот вывод, по мнению самих авторов монографии, «в свою очередь, является важным аргументом в пользу научной состоятельности и продуктивности гипотезы преемственной связи некоторых современных городов Сибири с поселками аборигенного населения этого края». При этом они полагают, что «данная гипотеза может и должна быть проверена на материалах по истории других населенных пунктов, в первую очередь находящихся на территории Западно-Сибирского региона. И не исключено, что возраст какой-то части из них окажется несколько большим, по сравнению с тем, каким он представляется нам сейчас»²⁾.

Хотя эта гипотеза и не нова — о преемственности такого рода и эволюции отдельных «туземных градов и городков» в русские поселения-города в Сибири прежде высказывались и другие исследователи³⁾, проработана она все же с Ханты-Мансийском. Нам, следовательно, предстоит апробировать ее в данном опыте с Тюменью. Конечно, в рамках одной статьи сделать это будет невозможно, поэтому ограничимся решением одной, по сути дела, но комплексной проблемы — попытаемся осмыслить и обоснованно разрешить вопрос об истории происхождения, этимологии и семантике древнего имени г. Тюмени, а также отдельных близлежащих географических объектов и населенных пунктов (в том числе ныне уже не существующих).

Как известно, наименование средневекового поселения, отчасти сохранившегося в исторической части современной Тюмени, в Сибирских летописях и различных восточных хрониках встречается в нескольких обозначениях: Чимги ~ Цимги-Тура или Чинги-Тура ~ Чингий ~ Чингидин ~ Чингиден град либо Жанги-Тура⁴⁾, первая часть названия которых традиционно рассматривается языковедами как варианты одной лексемы — чин (чинг) / шин (шинг). Этот общетюркский термин означает «высокий обрыв». При этом он, как ни странно, тюркоязычным населением Сибири «постоянно забывается и даже претерпевает этимологические деформации»⁵⁾.

Тем не менее характер положения топонимических объектов, имеющих в своих названиях основу чинг/шинг, свидетельствует, что в прошлом данный термин обозначал «высокий крутой обрыв» (это понятие до сих пор сохраняется в киргизском, узбекском и туркменском языках). В

качестве реалий с этой лексемой лингвисты как правило приводят название уступа Чинг на плато Устюрт и раннее название Тюмени — Чинги-Тура⁶⁾.

Однако если для Северного Чинка на Устюрте, у подножья которого во времена Ибн Фадлана еще стремительно протекала р. Чаган («Йаганды»), на противоположном берегу которой в ту пору кочевали «башкиры»⁷⁾, топографическая ситуация и отвечает генезису названия этой местности, то для места расположения Чинги-Туры такая этимология мне представляется «притянутой». Скорее она приемлема для возникновения наименования исторического ойконима — собственного имени селения Цынгалы (ныне с. Цынгалы в Ханты-Мансийском районе ХМАО). Прежде оно располагалось на высокой крутой сопке⁸⁾, подле которой еще при С. У. Ремезове, пролегало русло Иртыша, где «между мысов горы Иртыша, выше Цынгалы реки... в узком месте» остяки устроили засаду дружине Ермака⁹⁾. У старожилов она давно носит непонятное для них название «Чугас».

Имеется версия вывода компонента *чин* из иранского (пушту), в котором известен термин *сарачина* — «исток реки», где *сар* означает «голова», «начало», «вершина» (ср. тюрк. *баш*), а из *чин* автоматически вытекает «река». В южном Афганистане он в основном употребляется в значении «источник». По мнению А. М. Малолетко, иранское происхождение данного компонента «вполне могло быть приемлемо как для рек Тувы (р. Шин, приток р. Соглы-Хема), так и для рек Средней Азии монгольского времени», в частности второй части названия р. Зеравшан, и для р. Сарачинки, протекавшей в XV столетии в районе Ахтубы, название которой из тюркского *Ак тоба/туба* означает «Белый холм/курган». Но «не известно ни одного языка, живого или мертвого, в котором был бы географический термин *шин* «река» или «вода»¹⁰⁾.

Существует также иное тюркское понятие *чинг/чынг* в значении «влажный»¹¹⁾, основа которого заложена предположительно в названии р. Кашина (бассейн Абакана) и других гидронимов Южной Сибири. Однако, как бы ни были данные топонимы из различных районов Сибири, Средней Азии и Казахстана фонетически (по формантам) близки между собой, они «не являются родственными», так как «сформированы по разным принципам и в разных языках», убеждают лингвисты¹²⁾.

Наконец, недавно появилась на свет еще одна, финно-угорская версия этимологии наименования Чимги, принадлежащая доктору филологии Н. К. Фролову из Тюмени. Он исходит из угорской праформы *тимга*, где инициальное *тим-/чим-* означает «яма, устье, нижняя часть реки», и приводит немало примеров с ее тюрко-татарским заимствованием из угорского топонимикона, к числу которых относит и имя столицы Тюменского ханства. Во избежание неточности в передаче формулировки толкования этого автора процитирую отрывок из его статьи¹³⁾.

«Финно-угорское происхождение *тим-/тым* — не вызывает особого возражения, так как названия с этой инициально (видимо, инициальной.— И. Б.) локализуются в пределах финно-угорского языкового мира... Угорская основа *тим-*, видимо, этимомом (очевидно, этимон¹⁴⁾.— И. Б.) топонима Чинги — Чимги — Тим- + га. Семантику названия удовлетворяет географический критерий, поскольку селение находилось в устье реки (Тюменки.— И. Б.) при впадении ее в Туру и окружено естественно-природными глубокими оврагами и рвами. При адаптации угорской праформы Тимга в тюркской языковой среде имела место субституция угорского апикального смычного [Т] тюрко-татарским щелевым [Тс], закрепившегося перед переднерядным [и] в цокающей диалектной огласовке — Цимга. Изменение финами (очевидно, все же финалии.— И. Б.) [а] в [и]: цимга (чимга) — (чимги) чимги обусловлено действием закона тюркского сингармонизма»¹⁵⁾.

Возможно, географическому критерию и удовлетворяет подход к данной семантике самого ее автора. Но за затуманенной научной терминологией вариацией на заданную тему этимология топонима Цимга (Чимга) из угорской праформы представляется неясной и не корректной. Тем не менее благодарим Н. К. Фролова за анализ, демонстрирующий нам несостоятельность финно-угорского генезиса данного топонима во взаимодействии с тюркской языковой средой, который делает излишней аргументацию антиугорской его версии, с одной стороны, и оставляет именно тюркскую языковую среду как имеющую исключительно прямое отношение к его происхождению — с другой.

Итак, ничего другого не остается, как предложить свою авторскую версию. Причем изложить ее как бы в процессе рассуждений, предоставляя возможность «любопытному читателю», по выражению литераторов «серебряного века», самому поразмышлять и прийти, наде-

юсь, к аналогичному заключению. И начнем мы эти размышления с весьма отдаленной, на первый взгляд, от предмета исследования темы.

В свое время в одной статье доводилось писать, что у курдакско-саргатских татар поминки, устраивавшиеся в день годовщины смерти и потом проводившиеся ежегодно «после ледохода», получили название *цым*. При этом «курдакские татары могильный холмик обкладывали дерном», который, как позже выяснилось, обозначался одним и тем же словом, что и годовые поминки¹⁶⁾.

Затем, в другой статье, обращалось внимание на то, что в тобольском говоре языка сибирских татар бытует термин *цым*, известный в двух одинаковых в произношении и в написании, но совершенно не связанных между собой значениях: в смысле «дерн» и как название обряда *цым кән* (букв. «день/срок цым'а») — поминовения умерших, предков и «святых», который можно условно соотнести с «родительским днем» в православной обрядности. Этот ритуал, погруженный своими истоками в «пучину лет минувших» и, несомненно, проводившийся тюркотатарским населением Сибири во времена Шекспира (из сонета которого и взята эта поэтическая строка), является, по-видимому, локальным этнокультурным явлением, сохраняющимся до наших дней. Он проводится раз в году, в начале мая, и сводится к посещению тобольскими татарами «своих» семейно-родовых, или тугумных (патронимных), кладбищ, а также усыпальниц мусульманских «святых» и сопровождается преимущественно чтением молитв над могилами усопших, поминанием имен «своих святых»¹⁷⁾. В качестве синонима тобольско-татарского *цым* в говоре тарских и барабинских татар употребляется *йүң*, у томских татар он встречается в форме *йурна*, а у барабинцев также и как *кәс*¹⁸⁾.

Еще в самом начале XIX столетия в этот день на кладбищах устраивались массовые жертвоприношения телят и обильные угощения на поминках. Так, по сведениям Григория Спасского, к «многоугольному срубу» — *астане*, находившейся на кладбище между д. Загваздиной и юртами Кучайлан (офиц. назв. д. Епанчина), что за Искером, «татары в мае месяце почти повседневно собираются для моления и принесения в жертву тельцов в память умерших и погребенных тут своих предков»¹⁹⁾.

На некрополе Искера ритуал «возпоминания нечистые их (тобольских татар.— *И. Б.*) веры магмецкие», с подновлением и «преж сего и ныне обновляют мечеть (мавзолей.— *И. Б.*), в которой по их нечистой вере приходящее действуют», отмечался Н. Спафарием в 1675 г.²⁰⁾ О том же «установлении, два с лишком столетия не прерывающемся», когда «татары окрестных юрт через 3 или 4 года в середине лета постоянно стекаются на Искер в торжественном виде совершать поминовение по Кучуму», в 20-е гг. XIX в. писал и П. А. Словцов²¹⁾. Но в его время это «установление» уже было приурочено к дате *хиджры* (16 июля 622 г.) и, следовательно, паломничеству — *хаджжу*. А сама древняя традиция, в первую очередь объекты и субъекты ее почитания, приобрели значение не столько «символа веры», сколько символизировали славу предков героического прошлого и, по-видимому, веру, сопряженную с надеждой на возвращение утраченного могущества²²⁾.

Примечательно, что на целом ряде погребений тобольских татар нами было отмечено присутствие своеобразных «дерновых дорожек» — выложенных вдоль могильного холма полос из кусков дерна. Показательно и то, что эти «кирпичи» из дерна укладывались в более позднее время, чем возводилась насыпь. То есть не в день похорон, а, вероятно, весной — в *цым кән* и, соответственно, в день годовщины смерти — *йыл катым (хотым)*, когда проводились последние поминки по умершему в минувшем году родственнику²³⁾. Это, пожалуй, единственное, что сближает значение двух данных разных понятий одного термина *цым*²⁴⁾. Но в этом и заключается некий смысл, пока непонятный нам.

Дерновая обкладка могильных насыпей фиксировалась омскими этнологами «на ряде свеженасыпанных могильных холмов и деревянных оград». Обкладка могил из дерна, по их данным, «была существенным элементом погребального обряда во время прохождения церемоний на кладбище»²⁵⁾. Подобный компонент конструкции могильной насыпи был отмечен, как сказано, у курдаков в курдакско-саргатской группе татар, у барабинских и тарских татар, а также у омских казахов²⁶⁾. По верному мнению А. Г. Селезнева, данный элемент надмогильных сооружений вполне сопоставим с широко распространенной в древности и средневековье традицией изготовления курганов из дернового кирпича или, по меньшей мере, «дерновой обкладки» курганных насыпей²⁷⁾.

Вслед за этим автором, занимавшимся разработкой проблемы семантики такого типа надмогильных сооружений у сибирских татар в связи с древней типологией их жилищ, приведем некоторые археологические аналогии. Так, на памятниках Верхнего Приобья начала II тыс. н. э. (в пункте БЕ IX) были обнаружены остатки надмогильных построек в виде каркаса с плоской крышей и дерновой обкладкой. М. П. Грязнов, изучавший данный памятник, по этому поводу заметил, что устройство над могилой сооружения такого типа было, вероятно, «широко распространено в среде скотоводческо-охотничьих кочевых и полукочевых племен лесостепной Сибири начиная с I тыс. н. э.». При этом он указал и на наличие в прошлом такого рода сооружений у чатов и эуштинцев²⁸⁾.

Аналогичные надмогильные постройки рубежа I–II тыс. н. э. известны и в Барабе. По Д. Г. Савинову, погребения под усеченно-пирамидальными сооружениями и кирпичная кладка из дерна — самые характерные признаки своеобразных венгерских и осиновских курганов в Барабинской лесостепи, которые он относит к сросткинскому времени (IX–XI вв.)²⁹⁾. Позже эта деталь надмогильных сооружений проникает в таежное Прииртышье, где на ряде кипских курганов (Тевризский район Омской обл.) Б. А. Конилов фиксирует насыпи «из дерновых блоков», попутно замечая, что в «Среднем Прииртышье из дерна возведены некоторые саргатские курганы» раннего железа (V в. до н. э. — III–IV вв. н. э.)³⁰⁾.

Действительно, некоторые курганы рубежа эр, «насыпи» которых представляли «на самом деле — монументальное сооружение из дерна», воздвигавшееся над погребальными комплексами, а также на аналогичных культовых постройках, не имевших захоронений, свойственны Тоболо-Иртышской провинции саргатской культуры³¹⁾. Причем она была пришлой, связанной на раннем этапе своего проникновения с иранской — сакской, затем и «сарматской» культурной средой. И несмотря на многокомпонентный состав саргатской общности, распространившейся по всей лесостепи от Урала до Барабы, с преобладанием местного, южноугорского субстрата, «политически доминирующую роль» в ней, видимо, «сыграли иранские племена, принесшие в лесостепь навыки подвижного скотоводства и основы своего мировоззрения»³²⁾. Но — это пояснительная ремарка.

Кипские курганы и другие памятники, расположенные в Среднем Прииртышье: от низовий р. Тары на юге до устья р. Тобола на севере, оставили носители усть-ишимской культуры, предшествовавшей появлению в этом районе в XIII столетии тюркоязычного (кыпчакского) населения, которое вытеснило и ассимилировало местных южно-угорских обитателей, положив начало формированию различных групп иртышских татар³³⁾.

По мнению А. Г. Селезнева, подобные надмогильные сооружения или их элементы в типологическом отношении «могли быть отражением реально существовавшего типа жилищ, так называемых “дерновых” домов (домов из дерновых кирпичей). Такие жилые постройки были этнографически зафиксированы у барабинских татар, бочатских телеутов, кумандинцев, башкир-катайцев (исследователи особо отмечают, что этот тип жилищ был характерен для киданей, входивших в число предков башкир-катайцев)»³⁴⁾ и, добавим, отдельных групп тоболо-иртышских татар. Присовокупим к сказанному точку зрения В. И. Соболева, допускавшего возможность применения автохтонами Барабы XIV–XVII вв. «техники дерновой кладки» при строительстве прямоугольных наземных домов с вертикальными стенками на столбах³⁵⁾.

В круг археологических параллелей должно бы включить и памятники бакальской культуры (IX–XI — XIV–XV вв.)³⁶⁾ лесостепного Тоболо-Ишимья, южно-угорские носители которой, подвергнувшись начальным процессам тюркизации в южно-таежном Приобье в XII в., а в лесостепном Приишимье в X–XII вв., в монгольское время были окончательно ассимилированы, испытав местами глубокую аккультурацию, в результате чего было положено начало формированию групп тюменских, ялutorовских и ишимских татар³⁷⁾. Но ограничусь ссылкой на устное сообщение Н. П. Матвеевой (май 2006 г., Тюмень), что плетнево-глинобитные мазанки и строения из дерна присутствовали на бакальских городищах.

Таким образом, анализ археологических и этнографических данных о типах жилищ и генетически связанных с ними надмогильных сооружений, возводимых из дерна или же с неизменным наличием конструктивных элементов из дерна, представленный в широком этнокультурном и хронологическом диапазоне южных районов Западной Сибири, делает вывод о существовании в Чимги-Туре дерновых домов и/или иных сооружений из дерна наиболее вероятным.

Разумеется, это заключение предварительное, поскольку мы не располагаем сейчас археологическими доказательствами, полученными на городище. И они вряд ли вообще будут,

ибо все три его составные части практически уничтожены в ходе застройки Тюмени. Но на данный момент, не теряя надежды на обретение таких доказательств, будем довольствоваться этим выводом, который, может статься, окажется справедливым. Столь же единственно верной может оказаться (автор в этом не сомневается) и следующая из него логическая посылка о происхождении и семантике древнего имени г. Тюмени.

Она столь же очевидна, равно как и проста. В основе наименования Чимги-Туры, в частности онама Чинги/Чимги, лежит не пушто-иранский компонент *чин/шин* — «река», «источник» и не тюркское *чинг/чынг* — «влажный», и даже не лингвистически более или менее приемлемая общетюркская лексема *чин/чинг ~ шин/шинг* — «высокий крутой обрыв». Топографические реалии не совсем соответствуют их обозначению этим словом. Больше подошел бы термин *тонг* (*тõң*) — «грива», каковой, на мой взгляд, и лег в основу названия Вознесенского городища — Тон-Туры — «красиво возвышающийся на гриве город», с аналогичным местом расположения на мысовой гриве р. Оми³⁸). О неправомочности вывода основы Чимги из угорской праформы *тимга* с инициальной *тим/чим* — «яма, устье, нижняя часть реки», якобы испытавшей влияние тюркского языка, уже говорилось.

Авторская версия остается, таким образом, пока что единственно возможной. Она заключается в следующем. Первое. В большинстве письменных источников, прежде всего восточных, рассматриваемый топоним встречается в форме Чимги/Чимга, которую и подобает считать исходной и лексически более или менее адекватной.

Сошлемся в этой связи и на сведения Г. Ф. Миллера, который в 1741 г., проездом из Тобольска находясь в Тюмени, осмотрел археологические памятники города и записал в своем дневнике: «Несмотря на это (два варианта татарского предания о происхождении названия Тюмени: от 10 тыс. подданных хана или от такого же количества голов скота.— И. Б.) и хотя оба вышеприведенные объяснения происходят из татарских преданий, все же название Тюмень не употребительно у татар. Они называют город *Tschimgi-Tura*, а когда спрашивают их о причине такого названия, они не знают, что сказать»³⁹). Из этого крайне важного для анализируемого вопроса замечания Миллера следует прямое указание на то, что даже в первой половине XVIII в. тюменские татары по-прежнему называли свой древний, лежащий в развалинах город не Тюменью, а его исконным именем — Чимги-Тура.

Второе. Для диалектной нормы фонетики языка (диалекта) сибирских татар, с его цокающим кыпчакским субстратом, наиболее характерной является начальная глухая аффрикативная согласная [ц], за которой в анлауте следует гласная заднего ряда [ы]⁴⁰). Кстати, Х. Ч. Алишина, как будто специально для темы нашего исследования, в качестве первого лексического доказательства фонетического сочетания такого рода приводит слово *цым* — «целина»⁴¹). А из этого следует, что рассматриваемый топоним необходимо слышать и писать соответственно как Цым + ги ~ Цым + га-Тура, с апеллятивом *цым* — «дерн» в основе. Аффикс на *-га/-гә/-қа/-кә* может оформить его, например, в направительном падеже как косвенное дополнение обстоятельства места. Однако наиболее вероятно, что аффикс на *-гы/-қы/-ке* и даже *-лы/-ле* придает ему форму прилагательного — «дерновый», «дерновая»⁴²). Таким образом, средневековое наименование Цымгы-Тура означает «Дерновый город» или «Дерновая крепость». Х. Ч. Алишина могла бы его назвать, скажем, «Целина-град».

Нет особой необходимости сейчас рассматривать и анализировать типы номинаций татарских «городков» и «градов». Достаточно будет отметить название одного из них, располагавшегося в устье р. Туры,— «крепость Цымырлы»⁴³), чтобы удостовериться в присутствии в ближайшем историко-топонимическом окружении ставки Тюменского ханства названия укрепленного населенного пункта с аналогичной апеллятивной основой — *цым*. И тем самым убедиться в справедливости изложенной логической посылки и последовавшей из нее интерпретации этимологии и семантики древнего имени Тюмени.

* * *

И все-таки некоторые взаимосвязанные вопросы остаются пока открытыми: откуда, когда и кем были занесены данные традиции сооружения жилищ и надмогильных построек, фиксирующиеся на столь обширной территории? Чтобы ответить на них, понадобится какое-то время и отдельное исследование. Впрочем, когда еще появится такая возможность. Если можно уже сейчас наметить направление для проведения этого исследования, то оно представляется следующим.

Учитывая взаимообусловленность традиций возведения такого рода сооружений, вновь обратимся к археологическим материалам. Но теперь уже к таким специфическим памятникам тюркского населения юга Западной Сибири конца I — начала II тыс. н. э., как курганы с кладками из сырцового кирпича, обобщенный анализ которых представлен в статье В. А. Могильникова⁴⁴⁾.

Не вдаваясь особо в детали, отметим: «Фактически эти курганы являются остатками сооружений типа мавзолеев, сложенных из кирпича-сырца. В Западной Сибири все известные на сегодня памятники этого типа локализованы в степном и лесостепном междуречье Иртыша и Оби, в Барабинской и Кулундинской степи». По сохранившимся в основании этих курганов выкладкам, «которые скрыты сверху земляными насыпями, представляющими в основном результат разрушения сырцовой кладки», естественно задернованными, они «имеют прямоугольную, почти квадратную, форму, размер от 4×4 до 8×8 м, ориентированы сторонами по странам света». Характер погребений: наличие богатого инвентаря, туши, частей или чучела коня и др. — свидетельствует, «что курганы с сырцовыми выкладками принадлежали определенной группе населения с высоким социальным положением». Датируются такие некрополи по инвентарю концом IX — XI в.

Важен следующий вывод Могильникова: «Устройство погребальных сооружений из кирпича-сырца, как и вообще техника сырцового строительства (курсив мой.— И. Б.), были несвойственны аборигенному населению степи и лесостепи Западной Сибири и привнесены тюркоязычными кочевниками, скорее всего кимаками, в конце IX — X в. из Казахстана — наиболее вероятно, из районов, прилегающих к Сырдарье, где с принятием мусульманства устройство надгробий из сырца получало все большее распространение»⁴⁵⁾.

При этом нужно иметь в виду и то, что конструкции в виде квадратных сырцовых оград отвечали ранее сложившимся представлениям кимаков, «у которых надгробными сооружениями служили прямоугольные ограды, сложенные из рваного или подтесанного камня»⁴⁶⁾. ...в Обь-Иртышском междуречье, где нет камня, его заменяли сырцом. Сплошные сырцовые платформы со сводчатым перекрытием восходят, вероятно, к мусульманской архитектуре. Каноны ислама в это время начинают проникать в среду кимакской знати, в целом сохранявшей еще старый языческий ритуал»⁴⁷⁾.

Исходя из этих соображений замена камня дерновыми пластами в экологических условиях Среднего Прииртышья и Притоболья, как известно, почти повсеместно мало пригодных для изготовления саманного кирпича, так же естественна, как и наиболее потенциальна. Следовательно, в типологическом отношении подобные надмогильные сооружения или их элементы допустимо считать генетически связанными с кимакской традицией возведения мавзолеев-курганов из кирпича-сырца. Но это мог быть и ее кыпчакский или иной локальный (этнокультурный) вариант.

Возможно, эта мысль уже высказывалась археологами. Как бы то ни было, очевидно, что конструктивные технологии устройства рассмотренных погребальных сооружений не были свойственны автохтонному населению Западной Сибири от ее степей и лесостепи до южно-таежной полосы. Аналогичным образом это относится и к реально бытовавшему до недавнего времени на данной территории типу жилищ — дерновых домов, так как вообще и техника сырцового строительства была привнесенной. А она если не технологически, то конструктивно близка дерновой кладке⁴⁸⁾.

Таким образом, область данного этнокультурного влияния известна — это, конечно, районы, прилегающие к Средней Сырдарье. Именно с X в., согласно арабским географам, там определилась историко-культурная граница расселения кочевников южных районов Восточного Дешта и оседлого населения северной и северо-восточной частей Туркестана с его присырдарьинскими городами⁴⁹⁾. Именно там в X в. группы кочевников разных племен обратились в ислам. Так, по сообщению Ибн-Хаукаля, в Сюткенте (город на левом берегу Сырдарьи) «есть мечеть, и в нем собираются тюрки из [разных] племен гузов и карлуков, которые уже приняли ислам... Между Фарабом, Кенджида и Шашем хорошие пастбища, [там] около тысячи семей тюрок, которые уже приняли ислам»⁵⁰⁾. А уроженец Фараба стал тогда широко известным мусульманскому Востоку выдающимся философом и ученым-энциклопедистам ал-Фараби (ум. в 950 г.).

В качестве отступления, хотя и не совсем отвлеченного от рассматриваемой темы, приведем некоторые сведения из исторической географии. В списках рукописей Са'д-Вакаса и Кашшафа, повествующих о событиях, связанных с проникновением ислама в Сибирь в конце XIV в.⁵¹⁾, Иртыш именуется «по-таджикски Аби-Джарус» («Аби-Джирс») ⁵²⁾, первая часть названия которого

представляет компонент *аб* в значении «река». В пунктуальной транскрипции и литературных нормах, принятых в мусульманских источниках XVI в., оним «Аб-и Джарус», «Аб-и Джирс» — «река Джарус» («Джирс») должен соответствовать обозначению какой-то территории Иртыша — некоего района, области или же города на его берегах. Но исторически известной области с таким наименованием в других восточных источниках позднего средневековья не встречается. По крайней мере, она не известна автору⁵³.

Нет такого названия, если даже сменить букву «дж», характерную для начала слов в арабском языке, на букву (и звук) «ч», отсутствующую в арабском, но типичную для фарси, — «Чарус» («Чирс»). Зато в энциклопедии XIV в. Калкашанди Иртыш носит имя «Арїс»⁵⁴. У анонимного автора персидского сочинения XI в. «Худуд ал-'алам» («Границы мира») название реки дано в форме «Артүш» (или «Эртюш»), что, по мнению В. В. Бартольда, «соответствует народной (очевидно, тюркской. — И. Б.) этимологии (*эртюш* — 'человек спустился'), сообщаемой Гардизи» (XI в.)⁵⁵, по данным которого «у кимаков на Иртыше есть один город», но название его не дано⁵⁶. Таким образом, происхождение и семантика наименований Иртыша, за исключением этой (и иной, сибирско-татарской — «землерой») народной этимологии, остаются не ясными даже для палеолингвистов⁵⁷.

Довольно примечательным в этой связи представляется и другое обстоятельство. А именно то, что правый приток Сырдарьи в среднем ее течении идентичен названию левого притока Оби, Иртыша, в энциклопедии Калкашанди — Арїс. Более того, при надлежащей лингвистической проработке в нем улавливается аналогичное прочтение наименования Иртыша «потаджикски» Аб-и Джарус (Аб-и Джирс) в списках рукописей Са'д-Вакаса и Кашшафа. В них, по всей видимости, были допущены банальные ошибки переписчиков, пользовавшихся нечетким и испорченным временем протографом⁵⁸.

Представляет несомненный исследовательский интерес и то обстоятельство, что этноним локальной группы сибирских татар — *бараба/параба, барама/параба*, давший наименование известной лесостепной территории — Бараба, лингвистически совпадает с названием исторического района Мавераннахра, точнее, Западного Туркестана — Фараб. В источниках (у Истархи, Макдиси и др.) он пишется также как Б̄ар̄аб и П̄ар̄аб (последнее, по Бартольду, «первоначальное произношение»). Данный округ располагался «в среднем течении Сыр-Дарьи, по обоим ее берегам, там, где в нее справа впадает Арыс. Согласно Ибн Хаукалю... длина и ширина этого округа была меньше дня пути... <...> Согласно Макдиси, главный город назывался так же как и сам округ; этот город... с населением 70 000 душ мужского пола, с пятничной мечетью, цитаделью и базаром; лишь немногие его лавки находились внутри городской стены, большая часть — в пригороде... Ислам был принесен в Фараб, очевидно, лишь в саманидское время, после... 225/839–840 г.»⁵⁹.

Обратим внимание в этом аспекте на данные — реминисценции исторической памяти барабинцев, извлеченные из архивных источников Н. А. Томиловым. В прошениях 1903 г. жителей аулов Тунужской, Любейской, Туражской и Барабинской волостей о своем освобождении от натуральных земских повинностей их уполномоченные писали:

«Местное начальство, ошибочно причисляя нас к коренным инородцам... Мы позволим себе сослаться для освещения вопроса на некоторые исторические данные. В древние времена в Каинском уезде поселились *выходцы из Бухары в количестве семи волостей, перейдя через Калмыцкие и Киргиз-Кайсацкие степи*. Несмотря на постоянные вызовы своих соотечественников вернуться обратно в отечество и постоянные набеги киргиз-кайсаков, нашим предки, выходцы из Бухары, остались в пределах Российской империи, присягнув ей на подданство... *наши предки были названы своими сородичами, оставшимися в Бухаре, «Бараба»*... а в подданство России вступили... добровольно...»⁶⁰.

Таким образом, на основании приведенных свидетельств можно сделать предварительное заключение о том, что исходной территорией группы среднеазиатских переселенцев в Барабу в эпоху средневековья являлась историческая область Фараб на Сырдарье. Следовательно, можно также допустить, что те или иные исторические связи разных районов юга Западной Сибири между собой и со Средней Азией в этот период, очевидно, были обширнее и интенсивнее, чем возможно было себе представить. Во всяком случае, после таких буквальных совпадений признать их случайными — столь же нелепо, сколь и отрицать наличие собственной тени. Однако, оставив эту серьезную проблему для будущего исследования, вернемся к рассматриваемой теме.

Как было показано, именно там, на Сырдарье, и тогда — в X в. эти уже принявшие ислам отдельные группы кочевников, в основном родоплеменная знать, ознакомившись с канонами мусульманской архитектуры Средней Азии, после откочевки в места своих летних пастбищ вплоть до пределов Обь-Иртышского междуречья, оставили одно из свидетельств об этом. Оно выразилось, безусловно, в отмеченном устройстве курганов-мавзолеев знати из кирпича-сырца, а одновременно или позже — из пластов дерна. Эпоха их возведения не ограничена монгольским временем, эта практика продолжилась и много веков спустя, дожив кое-где до этнографической современности, естественно, претерпев существенные изменения. А этническая среда — кимаки и шире — кимако-кыпчакская общность является родовой этнокультурной средой, «пуповинная» связь с которой сохранилась в культово-ритуальной традиции отдельных групп сибирских татар, а также казахов.

«Родовое пятно» отложилось, как и положено, в самом наследственном месте — в языке. Так, словом *шим* обозначается «дерн» и у части казахов⁶¹. Наверно, так же оно звучало у кимаков, а у кыпчаков, скорее всего, произносилось так же, как и у сибирских татар — *цым* или *цим*, в этом виде запечатлевшись в названии небезызвестного Цимлянска (Ростовская обл.), образованного от основы *цим* через прибавление к ней аффикса *-лы/-ле*.

У кого-то от этих повеявших древностью сопоставлений может перехватить дух. Но ничего удивительного в том нет. Множество слов разговорного сибирско-татарского языка, относящегося к кыпчакской группе тюркских языков, лексические, фонетические и грамматические основы которых были заложены еще в древнетюркское время, имеют кыпчакское происхождение⁶². И данный термин, поскольку он носит локальный (диалектный) и реликтовый характер⁶³, вероятнее всего, уже звучал в Тоболо-Иртышском междуречье как минимум 1000 лет назад.

Итак, полагаю, мы определились с направлением поиска ответов на поставленную ранее триаду вопросов. Нам осталось прояснить тот смысл, который объединяет в одном слове *цым/цим* два его абсолютно разных значения. Суть его в том, что из сырцового, саманного либо дернового (пластового) кирпича у кочевников изначально возводились не постоянные жилища, основным видом которых была юрта, а надмогильные сооружения, и в то отдаленное от нас время, наподобие рассмотренных мавзолеев-курганов.

На динамику именно такого рода перехода указывают этнографические материалы по казахам, обобщенные вкрупне с археологическими данными в работе В. В. Вострова и И. В. Захаровой, из которой приведем один абзац: «Сырцовый и обожженный кирпич применялся в строительстве начиная, по крайней мере, с первых веков нашей эры и прослеживается археологически в южно-казахстанских городах до XVIII в. Из сырца возводилось большое количество надмогильных сооружений... мазаров. То, что саманный и сырцовый кирпич позднее, чем другие материалы, стал широко употребляться для строительства на зимовках, можно объяснить только изменением взглядов населения на роль постоянного жилища в быту. Пока оно рассматривалось как временное, строилось из подручных материалов, не требовавших особых затрат средств и труда»⁶⁴.

Прервем цитату, чтобы высказать предположение, что пластовый кирпич являлся для соответствующих территорий, по всей вероятности, самым ранним, а для степных районов Казахстана, например, первым и длительное время (до начала XX в.) единственным опытом использования вообще какого-либо кирпича при строительстве⁶⁵.

«С повышением роли зимних постоянных жилищ саманный кирпич — материал более совершенный и... сравнительно легкий для изготовления, поскольку подходящая глина распространена в Казахстане повсеместно, поэтому кирпич очень быстро вытесняет другие строительные материалы»⁶⁶. О значительном распространении почти повсюду в Казахстане домов из сырцового и саманного кирпича во второй половине XIX в. писали различные наблюдатели того времени⁶⁷.

Думается, что данную ситуацию можно вполне уверенно экстраполировать на эпоху средневековья, в частности ордынского периода, на районы не только Казахстана, но и юга Западной Сибири⁶⁸. Если это так (а как иначе), то кочевые тюркоязычные группы — исторические предки сибирских татар в отдельных районах своего расселения освоили практику возведения построек из дерна (и кирпича-сырца) на могилах своих знатных предков прежде, чем стали использовать его при строительстве временных, а затем и постоянных жилых домов. Не исключено, что в этом в какой-то степени сказалось также «влияние угро-самодийцев, оказавшихся в зоне ассимилятивного воздействия тюрков».

К этимологии, семантике и истории происхождения средневекового имени г. Тюмени

Но, поскольку термин *чым/цим*, выражающий понятие «дерн» — исконно тюркский (кипчакский), а в мемориально-культурном зодчестве кочевников срединной Евразии и прилегающих областей в эпоху средневековья (XI–XVI вв.) влияние канонов исламской архитектуры, с одной стороны, и идейно-образное воздействие юрты — с другой, заметно усилилось⁶⁹⁾, постольку оба эти явления связаны с миром тюркоязычных кочевников. Причем изначально они связаны с традицией возведения собственно мемориально-культурных сооружений, приуроченной, разумеется, к определенному событию. И таким событием, опираясь опять-таки на этнографические материалы похоронно-поминального цикла тюркоязычных народов, являлась годовщина (*аш/ас* — «угощение», *йылы/жылы* — «годовщина») — главная и завершающая фаза поминального цикла⁷⁰⁾.

* * *

Далее обратимся уже к историческим предместьям Тюмени. По-видимому, в период функционирования Цымги-Туры некоторые представители социально-конфессиональной группы сибирских татар и/или бухарцев, ведущих свое физическое либо духовное родословие (*силсила*) от пророка или первых халифов, а также прославленных суфиев братства Накшбандия, проживали не только в городе, но могли облюбовать для поселения и территорию у Андреевского озера, берега которого издревле осваивались автохтонным, а затем и тюрко-татарским населением⁷¹⁾.

Есть сведения, что на одном из островов Андреевского озера с давних пор существовало татарское святилище. Вероятнее всего, его возникновение было обусловлено какими-то доисламскими верованиями, возможно сопряженными с почитанием самого озера или культом предков (или несколькими мировоззренческими традициями). Однако со временем оно претерпело «мусульманизацию», связанную с культом местных исламских «святых», как это произошло с аналогичными типами культовых мест у сибирских татар⁷²⁾.

Так, в 1949 г. В. В. Храмова, автор академического очерка о сибирских татарах⁷³⁾, записала в своем экспедиционном дневнике: «На Андреевском озере есть два острова. На Большом острове *Суутау* («Водяной остров») есть 2 ямы, где якобы схоронен знаменитый мулла и куда татары бросают деньги, кольца, браслеты и пр., т. е. приносят жертву. На Большом острове было моление — просили у бога дождя, но сейчас этого нет»⁷⁴⁾.

Один тюменский журналист, пустившийся в 2005 г. в историческое расследование по следам тюменских шейхов, не смог «установить имя шейха, лежащего в островке рядом с селом Юрты Андреевские Тюменского района»⁷⁵⁾. И понятно, ибо ему надо было отправиться не в детективный поиск, а в научно-изыскательское путешествие, которое могло затянуться надолго. Как у автора этих строк, в чьих полевых материалах 1978 г. со слов бухарца из Ембаевских юрт, слышавшего это от своего отца муллы, записано, что «на острове Андреевского озера находится астана Эптрэй (Эптерэй)-авлия»⁷⁶⁾. Если это тот остров, сведения о котором приведены В. В. Храмовой, каковой и должен лежать рядом с Андреевскими юртами, то нам теперь стало известно имя этого «святого». Не исключено, что от него и происходит название как д. Юрты Андреевские, так и речки Андреевской, наконец, озера Андреевского, претерпевшее фонетическую вариацию под влиянием норм русского языка.

В Шикчинских и, вероятно, Андреевских юртах проживало и иное особое сословие — «юртовских служилых татар», бывших «мурз и мурзичей» и других лиц из вооруженного корпуса Кучум-хана на р. Туре, выделенных из общей массы ясачных людей новой русской властью, заинтересованной на первых порах в военной силе для освоения Сибири и сбора ясака. Таких служилых татар в начале XVII в. насчитывалось в Тюмени «в среднем 75 человек, позднее свыше 100»⁷⁷⁾.

Что касается юрт Шикчинских и Андреевских, фиксирующихся в русских актовых документах с 20-х гг. XVII столетия и в 40-х гг. следующего в составе Шикчинской волости Тюменского уезда, число жителей в которых периодически менялось (в связи с административными преобразованиями и миграцией), то о доле служилых татар в них говорить сложно⁷⁸⁾. Хотя общее количество населения, большинство какового было коренным, нам известно. Так, по данным 4-й ревизии (1782 г.), в юртах Андреевских насчитывалось 105 душ обоих полов, 8 из них были бухарцы. В Шикчинских юртах — 73 душ обоих полов местных татар, 26 бухарцев и 5 поволжских татар⁷⁹⁾.

Естественно, что это военно-служилое сословие появилось в тех или иных селениях под Тюменью, как и в самом городе, не в начале XVII и даже не в XVI в., а проживало здесь уже как

минимум с XV столетия. Взять, к примеру, «князя Чумгура», являвшегося постоянным послом хана Ибака (Сайид-Ибрахим хан) к царю Московскому. Жил у него, очевидно, в Чимги-Туре и приверженец низложенного Иваном III казанского властителя Ильхама «князь Бегиш» со своим сыном, Утешем⁸⁰⁾.

Подтверждение того, что служилые татары издавна проживали в названных юртах близ Тюмени, но прежде — Цымги-Туры, содержится в челобитной 1740–1741 г. самих местных жителей, в которой они писали: «...и з древних де лет прадеды, деды и отцы из Шинчинских юрт служилые и ясашные татары того уезда Есауловых юрт с татарами владели еще рыбными ловлями и санными покосами в Тюменском же уезде по речке Андреевской с малыми речками...»⁸¹⁾.

В состав населения этих юрт иногда попадали и «выезжие иноземцы». Так, в Тюменской окладной книге 1626–1627 г. среди них были зафиксированы один «табынец» (башкир), один «сарт» (узбек или, скорее, таджик) и два «бухарца» (узбеки). В числе служилых татар находились представители и духовной знати бывшего Сибирского ханства, вроде тарского служилого сеида Тенелая Берелеева⁸²⁾. Но в этом плане не должно сложиться предубеждения, ибо сеиды, как истинные ревнители ислама, участвовали в войнах своих светских правителей «с неверными» или «отступниками» от мусульманской веры. В Касимовском ханстве, например, во главе духовенства которого также стоял сеид, другой сеид возглавлял особое воинское подразделение, известное как «Сеитов полк»⁸³⁾.

Следовательно, духовенство Тюменского ханства, как и его столицы, занималось и светскими делами, как это практиковалось в той же Ногайской Орде: «...муллы являлись бакшеями, шейхи, хаджи, суфии исполняли роль послов. Хафизы отмечаются во время военных походов»⁸⁴⁾. Там и там сеиды участвовали и в ратных делах. Аналогичную картину можно наблюдать в любом тюрко-татарском государстве XV–XVI вв.⁸⁵⁾ Впрочем, этот вопрос отчасти уже был предметом изучения Д. М. Исхакова, опиравшегося на исследование по истории государства кочевых узбеков Б. А. Ахмедова и восточного автора, Рузбихана, современника последних лет Цымги-Туры⁸⁶⁾. Но мы еще вернемся к нему в другой работе и применительно ко времени правления хана Абу-л-Хайра.

А теперь нам осталось ответить на последний вопрос: когда впервые появилось, вернее, было письменно зафиксировано это древнее наименование г. Тюмени? Ответ на него можно найти на карте Каталонского атласа 1375 г.⁸⁷⁾, где в первый раз был обозначен этнополитический центр Тюменского вилайета — «*Singui*»⁸⁸⁾, в названии которого легко улавливается оним «Чинги». По мнению специалистов, это наименование, как и топоним Сибирь (*Sebur*) в Каталонском портулане, заимствованы картографами из мусульманских источников⁸⁹⁾. Но это уже источниковедческие тонкости. Важно другое, а именно то, что историю Тюмени, очевидно, следует начинать не с 1586 г., а так, как это принято в мировой исторической науке, — с первого письменного упоминания об этом городе.

В завершение хотелось бы отметить устремление научной общественности Тюмени сохранить то немногое, что осталось от ее средневековой истории. В связи с этим стоит напомнить, что в мае 2006 г. в г. Тюмени состоялась очередная, девятая по счету, и на этот раз Всероссийская научно-практическая конференция — «Сулеймановские чтения», одним из направлений работы которой значилась «история Чимги-Туры». Автор выступил там с соответствующим темой докладом⁹⁰⁾ и участвовал в «круглом столе», посвященном проблемам изучения, сохранения и популяризации историко-культурного наследия тюрко-татарского населения Сибири, в том числе и средневековой Тюмени — Чимги-Туры⁹¹⁾.

В резолюции конференции обращалось «особое внимание на комплексное изучение тюркских древностей Западной Сибири». Научный форум адресовался в администрацию города «с просьбой ускорить постановку на учет и государственную охрану культурного слоя исторической части Тюмени (Царева городища и остатков Тюменского острога), а также определения охранной зоны и зоны регулируемой застройки; выделить средства на реализацию проекта «Тюмень изначальная»; учесть при доработке нового генерального плана Тюмени необходимость сохранения Царева городища и возможность создания на его территории музейно-туристического комплекса»⁹²⁾.

Надеюсь, что эта инициатива будет поддержана властными структурами г. Тюмени и юга области в целом, поскольку выработка практических мер по дальнейшему изучению, сохранению и использованию тех или иных объектов наследия, в том числе по реализации упомянутых в резолюции проектов, является важнейшей составной частью и ориентиром региональной культурной

К этимологии, семантике и истории происхождения средневекового имени г. Тюмени

политики⁹³⁾. Все эти объекты являются частью культурно-ландшафтного облика Тюмени, а культурный ландшафт в последние годы сам стал рассматриваться как объект наследия⁹⁴⁾.

Примечания.

¹⁾ *Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска* / Балюк Н. А., Еманов А. Г., Заболотный Е. Б., Матвеев А. В. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2005. 182 с.

²⁾ Там же. С. 165, 168.

³⁾ С. В. Бахрушин, например, писал: «...Тобольск, естественно, унаследовал от бывшей татарской столицы сложившиеся годами политические и административные отношения и связи; к нему, как административному средоточию, силой жизненных условий потянули «агарянские веси», некогда входившие в состав Сибирского царства, и «грады» бывших кучумовых вассалов — местных мурз и биев» (*Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда* // Науч. тр. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 253). Но еще Г. Ф. Миллер заметил, что русские поселения в Сибири нередко возникали на местах, где до того находились поселки аборигенов. Обращая внимание на некоторое сходство тех и других, он вместе с тем отмечал, что укрепленные городки местных «князьцов» обычно служили убежищами для жен и детей знати, тогда как русские остроги получали военно-ясачные функции (*Миллер Г. Ф. История Сибири*. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 196–197, 223–228, 251, 258–261; *Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири*. Новосибирск: Наука, 1990. С. 243).

⁴⁾ *Сибирские летописи*. СПб., 1907. С. 18, 114, 153, 183, 226, 262, 273, 322; *Березин И. Шейбаниада: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте с переводом, примечаниями и приложениями*. Казань, 1849. С. 11, 58 (Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Т. 1); *Таварих-и гузида-йи нусрат-наме* // *Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв.: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений)*. Алма-Ата, 1969. С. 16; *Шейбани-наме* // Там же. С. 96; *Ибрагимов С. К. «Шейбани-наме» Бенаи как источник по истории Казахстана XV в.* // Тр. сектора востоковедения АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т. 1. С. 198; *Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков*. М., 1965. С. 94.

⁵⁾ *Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая*. Горно-Алтайск, 1979. С. 106–107.

⁶⁾ *Розен М. Ф., Малолетко А. М. Географические термины Западной Сибири*. Томск: Том. ун-т, 1986. С. 181; *Малолетко А. М. Палеотопонимика*. Томск: Том ун-т, 1992. С. 228.

⁷⁾ *Әхмәд ибне Фадланның Ител елгасына сәяхәте* / Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на реку Итиль. Казан: Татарстан китап нәшр., 1999. С. 44.

⁸⁾ Согласно хантыйской легенде, записанной в конце XIX в. (*Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и героическим сказаниям* // *Живая старина*. 1891. № 3, 4), в «былинный период» (X–XII вв.) здесь располагался городок «*Сыновей Мужчины с Размахистыми руками и Тяпарской женщины*», который затем (в XV в.) был занят пришедшими сюда татарами. Остатки этого городища и остяцкого, а позже татарского святилища, находившегося у подошвы и на северном склоне Чугаса, исследованные археологами, датируются с IX–XII по XIII–XV вв. (*Зах В. А. Культурное место у д. Цынгалы // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. Омск, 1998. С. 18–19). Но тобольские татары еще помнят о нем. По их преданиям, на том месте некогда жил и был захоронен некий «предок-богатырь» — *алып*, образ которого с началом ислама сменил персонаж местной мусульманской агиологии — «девица Хадица-Биби». Ее останки, по поверьям, покоятся в *астана* на склоне сопки; к покровительству этой «святой» взывают бесплодные женщины. А ханты еще в начале XX в. считали это святилище местом обитания «духа-покровителя» Цынгалинских юрт и призывали его по имени *Astanai*. И те, и другие посещали его с близкими, хотя и разными ритуалами, но с одинаковыми надеждами на защиту (*Белич И. В. Цынгалинская астана // Ислам, общество и культура*. Омск, 1994. С. 28–30). Цынгалинская Чугас-гора, воплотившая в чем-то близкие угро-тюркские мировоззренческие традиции, но затронутые влиянием мировых религий, представляющая собой феномен межконфессионального и межэтнического святилища, лишь недавно вошла в историю культуры народов Западной Сибири как самый северный культовый памятник, находящийся на периферии исламского мира.

⁹⁾ *Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)*. СПб., 1880. Ст. 77.

¹⁰⁾ *Малолетко А. М. Палеотопонимика*. С. 226–227.

¹¹⁾ См.: *Баскаков Н. А. Историко-типологическая фонология тюркских языков*. М.: Наука, 1988. С. 64.

¹²⁾ *Малолетко А. М. Палеотопонимика*. С. 228.

¹³⁾ *Фролов Н. Об истории географического названия Тюмень* // *Сибирское богатство*. Тюмень, 1999. № 1. С. 215–217.

¹⁴⁾ *Этимон* [имени] — восстанавливаемая исследователем исходная форма данного имени, обычно наиболее ранняя из известных. См.: *Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии*. М.: Наука, 1978. С. 153.

¹⁵⁾ *Фролов Н. Об истории географического названия Тюмень*. С. 216.

¹⁶⁾ *Белич И. В., Богомолов В. Б. Погребальный ритуал курдакско-саргатских татар // Экспериментальная археология: Изв. лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута*. Тобольск: ТобГПИ, 1991. Вып. 1. С. 173, 176.

¹⁷⁾ *Белич И. В. Искер: Из «сакральной» истории памятника сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований*. Омск; Ханты-Мансийск, 2002. С. 182–183.

- ¹⁸⁾ *Тумашева Д. Г.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. С. 86, 88, 96, 244.
- ¹⁹⁾ *Спасский Гр.* Собрание исторических, статистических и других сведений о Сибири и странах, соприкасающихся с ней. I. Картина Сибири // Сибирский вестн. СПб., 1818. Ч. 1. С. 33.
- ²⁰⁾ *Спафарий Н.* Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // ЗРГО, по отд. этнографии. СПб., 1882. Т. 10, вып. 1. С. 45.
- ²¹⁾ *Словцов П. А.* Письма из Сибири. Тюмень: СофтДизайн, 1999. С. 30.
- ²²⁾ *Белич И. В.* Искер: Из «сакральной» истории памятника сибирских татар. С. 182.
- ²³⁾ В изданном недавно «Словаре диалектной лексики», составленном А. Х. Насибуллиной на базе упомянутого «Словаря» Д. Г. Тумашевой, термин *цым* дан в вышеуказанных значениях, присущих лексике татарских говоров юга Тюменской области. Он представлен как омонимы и в соответствии с татарским и русским литературными языками. Но при обозначении второго диалектного значения этого слова была допущена грубая ошибка: «Цым II — улгән кешене бер елдан искә алу хатирәсе — годовщина смерти» (*Тумашева Д. Г., Насибуллина А. Х.* Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области. Тюмень, 2000. С. 152). Она заключается в том, что сибирско-татарский *цым* в литературном эквиваленте представлен как обозначение последнего срока траура — годовых поминок, тогда как смысл его понимания шире и глубже как в соционормативном, так и в календарном аспекте обрядности. Тем самым он был лишен весьма значимого древнего понимания этого явления традиционной культуры сибирских татар — дня поминовения предков, позже и мусульманских «святых», или «родительского дня» — *цым көн*. Поэтому предлагается рассматривать данное понимание термина *цым* в узком и широком значениях: как годовщина смерти и как «родительский день» соответственно. Свои замечания и предложения автор направил в Тюменский областной государственный институт развития регионального образования в ответ на просьбу издательства.
- ²⁴⁾ *Белич И. В.* Искер: Из «сакральной» истории памятника сибирских татар. С. 183. Прим. 1.
- ²⁵⁾ К сожалению, группы татар не указаны, но по контексту можно понять, что речь идет о тобольских татарах. См.: *Селезнев А. Г., Селезнева И. А.* Сибирский ислам: Региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 46.
- ²⁶⁾ *Белич И. В., Богомолов В. Б.* Погребальный ритуал курдакско-саргатских татар. С. 173; *Томилов Н. А., Шаргородский Л. Т.* Погребальный обряд барабинских татар // Обряды народов Западной Сибири. Томск: Том. ун-т, 1979. С. 127.
- ²⁷⁾ *Селезнев А. Г., Селезнева И. А.* Сибирский ислам. С. 46.
- ²⁸⁾ *Грязнов П. М.* История древних племен Верхней Оби // МИА. № 48. М., 1956. С. 155, 157; *Селезнев А. Г.* Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. С. 106.
- ²⁹⁾ *Бараба* в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. С. 104. Рис. 52.
- ³⁰⁾ *Коницов Б. А.* Таежное Прииртышье в X–XIII вв. Омск: ОмГПИ, 1993. С. 119.
- ³¹⁾ *Матвеев А. В., Матвеева Н. П.* Савиновский могильник саргатской культуры. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1991. С. 27–39. (Препр.); *Матвеева Н. П.* Абатский 1 курганный могильник саргатской культуры. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1991. 77 с. (Препр.); *Культура зауральских скотоводов на рубеже эр.* Гаевский могильник саргатской общности: Антропологическое исследование. Екатеринбург: «Екатеринбург», 1997. С. 130–137.
- ³²⁾ *Культура зауральских скотоводов на рубеже эр.* С. 138–151.
- ³³⁾ *Коницов Б. А.* Основы археологии Западной Сибири. Омск, 1997. С. 191; *Могильников В. А.* Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII вв. // Ученые зап. Перм. ун-та. 1968. С. 291; *Он же.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–236; *Он же.* Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье: (К проблеме происхождения тарских татар) // ВААЭ. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1. С. 51–64; *Адамов А. А.* Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. С. 50; *Багашев А. Н.* Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск: Наука, 1993. С. 5, 53, 136.
- ³⁴⁾ *Селезнев А. Г., Селезнева И. А.* Сибирский ислам. С. 46. Подробнее см.: *Селезнев А. Г.* Комплекс земляных жилищ барабинских татар // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995. Т. 1. С. 170–184.
- ³⁵⁾ *Соболев В. И.* Барабинские татары XIV — начала XVII вв. н. э.: По материалам археологических исследований: Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1983. С. 58.
- ³⁶⁾ О существовании бакальской культуры вплоть до позднего средневековья см.: *Могильников В. А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири. С. 182; *Матвеева Н. П., Рафикова Т. Н.* К вопросу о тюркизации населения Зауралья (по археологическим данным) // Сулеймановские чтения-2006: Материалы IX межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень, 2006. С. 66.
- ³⁷⁾ См.: *Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б.* Пахомовский могильник // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 128–137; *Могильников В. А.* Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII вв. С. 291; *Он же.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири. С. 182; *Потемкина Т. М., Матвеева Н. П.* Большое Бакальское городище // ВААЭ. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1. С. 39–50; *Матвеева Н. П., Рафикова Т. Н.* К вопросу о тюркизации населения Зауралья (по археологическим данным). С. 64–67.

К этимологии, семантике и истории происхождения средневекового имени г. Тюмени

³⁸⁾ Из языка (диалекта) барабинцев, где *тӧң* означает «грива», а в переносном смысле имеет значение «красиво возвышаться», Тон-Туру можно дословно перевести как «город на гриве», «красиво возвышающийся на гриве город» (Викторова Л. В. Язык барабинских татар. Л.: Наука, 1981. С. 190).

³⁹⁾ Миллер Г. Ф. Путешествие от Тобольска до Тюмени. 1741 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 296. (История Сибири. Первоисточники; Вып. 6).

⁴⁰⁾ Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Казань, 1994. С. 4–5, 14–18, 21–22.

⁴¹⁾ Там же. С. 21.

⁴²⁾ Там же. С. 34, 36–37.

⁴³⁾ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 12, 30; Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XVII вв. Томск: Том. ун-т, 1981. С. 18; Он же. Поселения сибирских татар в трудах ученых и путешественников конца XVI — XIX вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 8. С. 26.

⁴⁴⁾ Могильников В. А. Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // ВИАЭ. Тюмень: ИПСО СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 64–68.

⁴⁵⁾ Там же. С. 68. Данное обстоятельство уже было отмечено этим, а также другими авторами. См.: Могильников В. А. Алтайская экспедиция // АО 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 66; Бараба в тюркское время. С. 88, 108.

⁴⁶⁾ См.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 43.

⁴⁷⁾ Могильников В. А. Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири. С. 68. Происшедшая здесь замена свойственного кимакам захоронения целого коня его чучелом объясняется им вероятными «смещениями кимаков с кыпчаками и другими тюркоязычными племенами в степях Казахстана и Западной Сибири, а также в небольшой мере влиянием угро-самодийцев, оказавшихся в зоне ассимилятивного воздействия тюрков».

⁴⁸⁾ См.: Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950. С. 17, 20 и др.; Востров В. В., Захарова И. В. Казахское народное жилище. Алматы: Наука, КазССР. 1989. С. 20, 37, 45–57.

⁴⁹⁾ См.: Кумекоев Б. Е. Страна кимаков по карте ал-Идриси // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. 10. С. 144–148; Он же. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972; История Казахской ССР: В 5 т. Алма-Ата, 1977. Т. 1. С. 378–379. См. также: Белич И. В. К исторической критике одного сибирско-татарского байта // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири. Тобольск, 1998. С. 132.

⁵⁰⁾ Материалы по истории туркмен и Туркмении. М., 1938. Т. 1. С. 184 (цит. по: Басилов В. Н., Кармышева Дж. Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М., 1997. С. 1). «По представлению географов первой половины X в., границы распространения ислама на северо-востоке совпадали с границами саманидского государства. Турки (тюрки.— И. Б.) везде противопоставляются мусульманам, за исключением турок (тюрки.— И. Б.) на Сырдарье, принявших ислам и вместе с тем сделавшиеся подданными Саманидов» (Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Соч. М., 1963. Т. 2, ч. 2. С. 184).

⁵¹⁾ Подробнее об этом см.: Белич И. В. «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири»: (К 100-летию публикации Н. Ф. Катановым рукописей Тобольского музея) // ВИАЭ. № 6. Тюмень: ИПСО СО РАН, 2005. С. 153–171.

⁵²⁾ Катанов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири: (По рукописям Тобольского музея) // ЕТГМ. 1905. Вып. 14. С. 20.

⁵³⁾ Известно название реки, левого притока Иртыша — Джурга — в Восточном Казахстане (Валиханов Ч. Ч. Смерть Кокутай-хана и его поминки // Избранные произведения. М.: Наука, 1986. С. 245, 366).

⁵⁴⁾ Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Вост. лит., 2002. С. 266, 272, 281.

⁵⁵⁾ Бартольд В. В. Иртыш // Соч. Т. 3. С. 435.

⁵⁶⁾ Кызласов Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М.: Моск. ун-т, 1992. С. 50.

⁵⁷⁾ Впрочем, не исключено, что его смысловое содержание — «раздвоение», «разделение» в значении «приток» исходит из древнего понятия деления на части и восходит к элементу бореального праязыка AR (См.: Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский праязык. Л.: Наука, 1986. С. 21–22, 23; Малолетко А. М. Палеотопонимика. С. 49).

⁵⁸⁾ Белич И. В., Селезнев А. Г., Яхин Ф. З. Письменные источники по исламизации Сибири // VI конгресс этнографов и антропологов России. СПб., 2005; Белич И. В. Письменные источники по истории исламизации Сибири // Second International Symposium on Islamic Civilization in Volga-Ural region. (В печати).

⁵⁹⁾ Бартольд В. В. Фараб // Соч. М., 1965. Т. 3. С. 525–526.

⁶⁰⁾ ЦГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 65. Л. 19 об., 23 об., 32 об. (цит. по: Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины. С. 161–162 (курсив мой. — И. Б.).

⁶¹⁾ См.: Востров В. В., Захарова И. В. Казахское народное жилище. С. 49. Очевидно, речь идет о западной группе казахов, кочевавшей в пределах Актюбинской обл., поскольку данные авторы ссылаются на исследование А. Н. Глухова «Зимнее жилище актюбинских и адаевских казахов: Материалы комиссии

экспедиционных исследований» (Л., 1927. Вып. 2. С. 110). В центральных, вероятно, районах Казахстана для обозначения дерна использовался термин *омақ*, *омақа* (*Ажигали С. Е.* Образ юрты в архитектуре // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск, 2004. С. 110).

⁶²⁾ *Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар. С. 185, 246, 254, 260; *Татары*. М.: Наука, 2001. С. 26–34.

⁶³⁾ В литературном татарском языке такого слова нет (устное сообщение зав. кафедрой татарского языка и литературы ТобГПИ им. Д. И. Менделеева канд. филол. наук Ф. С. Сайфулиной, июнь 2006 г.).

⁶⁴⁾ *Востров В. В., Захарова И. В.* Казахское народное жилище. С. 54.

⁶⁵⁾ Дерновые жилища строились в Актюбинской, Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской областях, известны они были и в Сырдарьинской области. «Даже в начале XX в. дерн оставался преобладающим строительным материалом в ряде районов: например, в Актюбинском, Иргизском, Тургайском, Кустанайском, Атбасарском, Омском уездах, в прииртышских степях Семипалатинской области» (*Востров В. В., Захарова И. В.* Казахское народное жилище. С. 47).

⁶⁶⁾ *Востров В. В., Захарова И. В.* Казахское народное жилище. С. 55.

⁶⁷⁾ *Красовский М.* Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. СПб., 1880. Ч. 3. С. 218; *Костенко Л. Ф.* Туркестанский край. Т. 3. С. 195–210. Подчеркнем, что эти свидетельства не имеют ничего общего к прежде высказывавшемуся утверждению о довольно позднем (в XVIII в.) возникновении у казахов постоянных зимних поселений и жилищ, несмотря на известные уже из археологических изысканий данные о древних городах и оседлых поселениях в Казахстане (*Востров В. В.* К истории развития оседлого образа жизни у казахов // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. М.; Л., 1961; *Толыбеков С.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XIX в. Алма-Ата, 1972). Недооценка тесной и непрерывной связи материальной культуры древних и средневековых племен и этносов с культурой сформировавшегося позднее казахского народа затем была критически переосмыслена (*Востров В. В., Захарова И. В.* Казахское народное жилище. С. 10).

⁶⁸⁾ *Востров В. В., Захарова И. В.* Казахское народное жилище. С. 20–21, 36–37; *Жолдасбаев С.* Типы поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV–XIX вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.

⁶⁹⁾ *Ажигали С. Е.* Образ юрты в архитектуре. С. 110–111.

⁷⁰⁾ См.: *Катанов Н. Ф.* О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней // Изв. о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском ун-те. Казань, 1894. Т. 12. Вып. 2. С. 109–142; *Селезнев А. Г., Селезнева И. А.* Сибирский ислам: Региональный вариант религиозного синкретизма. С. 38–48.

⁷¹⁾ См.: *Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной полосы* / А. В. Матвеев, Н. П. Матвеева, А. Н. Панфилов и др. Новосибирск: Наука, 1995. С. 68–73.

⁷²⁾ Детальнее об этом см.: *Белич И. В.* Культурные места сибирских татар как историко-этнографический источник // Роль Тобольска в освоении Сибири. Тобольск: Тоб. ГПИ, 1987. С. 40–41; *Он же.* Цингалынская астана // Ислам, общество и культура: Материалы Междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI в.: (К 600-летию ислама в Сибири)». Омск, 1994. С. 28–30; *Он же.* Легенда о «Ташатканском камне» // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Археология, этнография. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 80–83; *Он же.* Методологические и методические аспекты исследования астана сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. Алматы; Омск: Наука, 2004. С. 38–41; *Адаев В., Белич И., Зиннатуллина Г., Рахимов Р., Ярков А.* О региональных особенностях ислама и почитании Астана // Региональные социокультурные процессы: Темат. сб. Тюмень, 2004. Вып. 2. С. 219–228.

⁷³⁾ *Храмова В. В.* Западно-сибирские татары // Народы Сибири. Сер. Народы мира. М.; Л., 1956.

⁷⁴⁾ *Дневник экспедиции В. Храмовой 1949 г.* // Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2, № 30. Л. 34.

⁷⁵⁾ *К. Кабдулвахитов.* По следам Тюменских шейхов: Историческое расследование. Тюмень: Типопр. «Печатник», 2005. С. 29.

⁷⁶⁾ ПДА, август 1978 г. Записано от Садыкова Ислама, 1901 г. р., д. Ембаево.

⁷⁷⁾ *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Исторические зап. М.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 67.

⁷⁸⁾ См.: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960. С. 41; *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XVII вв. С. 29–40.

⁷⁹⁾ *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины. С. 54.

⁸⁰⁾ *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. С. 58.

⁸¹⁾ Цит. по: *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины. С. 29.

⁸²⁾ *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. С. 68–69.

⁸³⁾ *Исхаков Д. М.* Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. Казань: Иман, 1997. С. 17–18.

⁸⁴⁾ Там же. С. 68–71.

⁸⁵⁾ *Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Ин-т истории АН Респ. Татарстан, 2004. С. 52, 56, 60, 66, 73, 80–81; *Он же.* Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. С. 20, 36–38, 40–41, 53–57, 60–64, 68–71.

К этимологии, семантике и истории происхождения средневекового имени г. Тюмени

⁸⁶⁾ Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. С. 69; Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. С. 106; Исфрахани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара: (Записки бухарского гостя) / Пер., предисл. и прим. Р. П. Джалиловой. М., 1976. С. 63, 77, 113, 125, 144.

⁸⁷⁾ Каталонский атлас — географическая карта, составленная в Италии в 1375 г. Была издана во Франции в 1742 г. Составлен атлас с практической целью — как маршрутная карта для итальянских купцов, которые вели торговлю со Средней Азией, Восточным Туркестаном и Дешт-и Кипчаком. Исчерпывающие сведения о ней см.: *Lelewel J. Géographie du Moyen Age. Bruxelles, 1852. Т. 21. Р. 52–88.*

⁸⁸⁾ *Зубков К. И. Русский путь в Сибирь: (Опыт геополитического анализа) // Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С. 5–6; Шапков А. Т. К истории Тайбугидской легенды // V Уральские археографические чтения. Екатеринбург, 1998. С. 73.*

⁸⁹⁾ *Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. С. 30–33, 54; Малолетко А. М. Палеотопонимика. С. 121.*

⁹⁰⁾ *Белич И. В. Тура incognita // Сулеймановские чтения-2006: Материалы IX межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень, 2005. С. 16–22.*

⁹¹⁾ На конференции была одобрена представленная для обсуждения ученых из разных научных центров Сибири и России программа «Тюмень изначальная: Историко-археологическое изучение процесса становления старейшего сибирского города». В резолюции отмечалось: «Предлагаемый для реализации проект носит научно-практический характер и ориентирован на то, чтобы в ходе комплексного изучения сохранившихся в историческом центре Тюмени культурных слоев, связанных с существованием на данной территории столицы Тюменского ханства города Чинги-Туры и возведенного на его месте в 1586 г. Тюменского острога, оценить обоснованность существующих представлений о возрасте областного центра; при необходимости выработать новую концепцию его летоисчисления, а также проработать вопросы о формах и методах использования материалов названных памятников истории и культуры для развития туристического потенциала Тюмени и соответствующей инфраструктуры города».

⁹²⁾ *Резолюция IX Всероссийской научно-практической конференции «Сулеймановские чтения», прошедшей 18–19 мая 2006 г. в г. Тюмени.*

⁹³⁾ *Ориентиры региональной культурной политики: Информ. вып. № 7. М.: Ин-т Наследия, 2003. С. 19–38, 40–53.*

⁹⁴⁾ *Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дм. Буланин, 2004. 620 с.*

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article considers different Turkic and Finno-Ugric hypotheses in paleolinguistics as to origin of an early name of Tyumen, i.e. Chimgi/Chingi-Tura, as non-fitting either phonetic rules of Siberian Tartars' language, or toponimic realia. A mediaeval designation for Tyumen was Tsymge-Tura denoting "a sodded town" or "a sodded fort". A comparative analysis of ethnographic and archaeological data regarding types of dwellings and overgrave constructions genetically related therewith makes it highly probable to conclude on existence of sodded dwellings and other constructions made of sod in Tsymge-Tura. The article actualizes a question as to soundness of counting history of Tyumen from a fort foundation in 1586, while the earliest reference to this pre-Russian town fixed in the Catalonia Atlas under a name of "Singui" corresponds to 1375.